

Шэнь Ваньцин тоже собиралась уходить, но Янь Фанхуа взяла её за руку и сказала:

— Если не возражаешь, спи в моей комнате, мы с тобой ляжем вместе. Уже поздно, не стоит утруждать себя.

Цинь Чжэн, опустив голову, убирала со стола. Янь Фанхуа похлопала её по спине:

— Цинь Чжэн, иди спать. Всё это можно убрать завтра.

Цинь Чжэн, сделав несколько шагов, оглянулась, и её взгляд встретился со взглядом Шэнь Ваньцин.

Её глаза по-прежнему оставались холодными, даже несмотря на то что она с кем-то оживлённо разговаривала. Глубоко в её взгляде сохранялась дистанция, которая не уменьшалась ни на йоту.

Казалось, лишь когда она смотрела на Лу Чжися, в её глазах появлялась капля живости.

Цинь Чжэн вернулась в свою комнату, оставив дверь приоткрытой.

В гостиной две женщины обсудили ситуацию: Янь Фанхуа решила спать в спальне, а Шэнь Ваньцин — на диване.

Стол был убран, посуду отнесли на кухню, Шэнь Ваньцин помогла собрать пустые бутылки с пола.

Очистив пространство вокруг дивана, все пошли мыться и ложиться спать.

Перед сном Янь Фанхуа заглянула к Лу Чжися. Та ещё не спала, её маленький ротик что-то бормотал, но понять, о чём она говорила, было невозможно.

Янь Фанхуа хотела помочь ей раздеться, но Лу Чжися сопротивлялась так, словно её жизнь зависела от этого. Янь Фанхуа шлёпнула её:

— Хватит болтать, иди спать.

Когда все закрыли двери своих комнат, Шэнь Ваньцин лежала на диване, тихо слушая ночной летний ветер.

Окно у края было приоткрыто, и, когда всё успокоилось, тело и душа ощутили прохладу.

Шэнь Ваньцин, лежа здесь, естественно, не могла уснуть. Она немного полежала, затем села.

Пользуясь темнотой, она тихо открыла дверь Лу Чжися. Та на кровати уже была сонной, время от времени тихо бормотала, но, если прислушаться, можно было разобрать, что она говорила:

— Неправедливо.

Шэнь Ваньцин заметила, что её одежда была снята лишь наполовину, вероятно, из-за сопротивления Янь Фанхуа.

Одежда сковывала её, и Лу Чжися спала неудобно, её брови были нахмурены.

Шэнь Ваньцин наклонилась, чтобы расстегнуть пуговицы, но Лу Чжися, бормоча, оттолкнула её. Она прислушалась и услышала:

— Кто ты? Не трогай меня...

Она позвала её:

— Лулу.

Намеренно произнесла это близко к её уху, и, повторив это, пьяная девушка медленно осознала, кто перед ней. Сила её толчков увеличилась, словно она перенесла огромную несправедливость, и она прошептала:

— Нельзя, Цинь Чжэн, нам нельзя.

Шэнь Ваньцин всё слышала и продолжала снимать с неё одежду.

Лу Чжися рассердилась, её дрожащие руки с силой оттолкнули Шэнь Ваньцин, и она недовольно закричала:

— Нельзя! Я сказала... нельзя!

Она изо всех сил закрыла грудь руками, повернулась на бок и забормотала:

— Не снимай.

Шэнь Ваньцин увидела, как её обнажённые плечи слегка светились в темноте, её кожа была белой, а плечи — худыми, но изящными.

— Собачка, это я, старшая сестра, — Шэнь Ваньцин повторяла это ей на ухо снова и снова:

— Это старшая сестра.

Лу Чжися реагировала медленно, но постепенно начала понимать, её скрюченное тело

медленно расслаблялось.

Она закрыла глаза и прошептала:

— Старшая сестра, старшая сестра.

— Да, я здесь, — каждый раз отвечала Шэнь Ваньцин.

Лу Чжися бормотала:

— Старшая сестра может.

— Правда? — Шэнь Ваньцин повернула её и расстегнула пуговицы. — Старшая сестра может, а другие — нет, да?

Она кивнула, и Шэнь Ваньцин спросила:

— Как зовут старшую сестру? А? Ты знаешь?

Она повторила вопрос несколько раз, и Лу Чжися нахмурилась, её горячая ладонь легла на тыльную сторону руки Шэнь Ваньцин, двигаясь вместе с её движениями. Она тихо сказала:

— Шэнь Ваньцин.

— А? — Шэнь Ваньцин подумала, что она её зовёт, но затем услышала, как Лу Чжися добавила:

— Старшая сестра Шэнь Ваньцин.

— Ты ведь собачка старшей сестры, да? — Шэнь Ваньцин наконец уложила эту «госпожу» удобно, но та, казалось, всё ещё была недовольна, схватив её руку и положив на свою грудь, бормоча:

— Неприятно, массируй, массируй.

Ладонь Шэнь Ваньцин была прохладной, и Лу Чжися, как щенок, тихо постанывала.

Она не могла сдержать смеха. Эта девушка была слишком милой в пьяном виде, что вызывало у неё греховные мысли. Это было слишком опасно.

После того как ей стало комфортно, Лу Чжися снова начала жаловаться.

Всё, что она держала в сердце в обычные дни, теперь выливалось в жалобы старшей сестре.

Она говорила, что это несправедливо, почему её мозг не пуст?

Она говорила, что у неё нет человечности, почему только она может целовать её, а она не может целовать её первой?

Она также сказала, что её глаза ослепли, ведь она такая хорошая, а она всё равно её не любит?

Как она может её не любить? Не любит, но целует?

Ты пользуешься мной, а я не могу пользоваться тобой, я... — в конце концов она так расстроилась, что заплакала.

Шэнь Ваньцин слушала её, смеясь и одновременно испытывая жалость.

Она боялась, что Лу Чжися заплачет так сильно, что разбудит всех в доме.

Шэнь Ваньцин успокаивала её:

— Мозг старшей сестры не пуст, но это не значит, что она тебя не любит.

— Ты такая милая, конечно, старшая сестра тебя любит.

— Старшая сестра целует тебя, потому что ты милая.

— Я пользуюсь тобой, но ты можешь пользоваться мной, как угодно...

Она повторяла это снова и снова, пока Лу Чжися не перестала плакать, стараясь забраться на Шэнь Ваньцин. Через некоторое время она сказала:

— Я хочу воспользоваться тобой.

— Как? — Шэнь Ваньцин легла, позволяя ей медленно забираться наверх.

Она карабкалась, затем ложилась, бормоча жалобы, и, наконец, нашла нужное положение.

Пьяная девушка, казалось, обладала некоторым талантом, её язык в ротовой полости был словно дракон, заставляя тело Шэнь Ваньцин слегка дрожать.

Она не понимала, как это работает, но почему-то в пьяном состоянии она вдруг стала такой умелой.

Запах спирта был сильным, но приятным, ведь Лу Чжися пила в основном коллекционные вина Янь Фанхуа.

Этот обмен слюной длился более десяти минут, и Шэнь Ваньцин начала ощущать опьянение.

Лу Чжися не была удовлетворена, её маленькие лапки двигались хаотично. Шэнь Ваньцин схватила её и прижала, затем, держа её лицо, спросила:

— Собачка, ты любишь старшую сестру?

Глаза Лу Чжися были полузакрыты, но она не хотела сдаваться, поэтому подняла подбородок и с силой сказала:

— Люблю.

Шэнь Ваньцин почесала её подбородок, словно награждая питомца, и продолжила:

— А собачка любит старшую сестру?

— Люблю.

— Ты завтра проснёшься и скажешь то же самое?

Она подумала и ответила:

— Скажу.

— Правда?

— Правда.

— Что правда?

Она наклонила голову, уже забыв, что говорила, и повторила:

— Правда.

— Кто я? — Шэнь Ваньцин ущипнула её за щёку, и Лу Чжися нахмурилась от боли. — Шэнь Ваньцин.

— Ты завтра проснёшься и скажешь, что любишь меня?

— Скажу.

— Что ты скажешь завтра?

— Не знаю, — она глупо улыбнулась, обнимая её и кокетничая.

Это было действительно невыносимо. Шэнь Ваньцин отпустила её, и Лу Чжися сразу же воспользовалась моментом.

Она принялась целовать её губы, словно давно не ела.

Она не чувствовала меры, иногда причиняя Шэнь Ваньцин боль.

Лу Чжися этого не замечала, целуя то здесь, то там, желая оставить свои следы повсюду.

В конце концов она устала и уснула на животе Шэнь Ваньцин, её рука всё ещё лежала на нём, время от времени сжимая его и бормоча:

— Голова болит.

Шэнь Ваньцин не планировала спать, поэтому просто лежала там, массируя Лу Чжися виски.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Шэнь Ваньцин вдруг услышала шаги у двери.

Она сразу же подумала о чём-то и встала. На кровати Лу Чжися спала очень крепко.

Дверь медленно открылась, и в полумраке можно было разглядеть осторожную Цинь Чжэн.

Она подошла к кровати Лу Чжися, нежно погладила её по лицу и накрыла одеялом.

Она стояла у изголовья некоторое время, затем наклонилась и поцеловала её, после чего убежала, словно вор.

На рассвете Лу Чжися проснулась из-за позывов в туалет и, вернувшись, увидела человека, лежащего на диване.

Шэнь Ваньцин дышала ровно, казалось, она крепко спала. Спящая, она выглядела как принцесса из сказки.

Она была такой милой и нежной, что вызывала чувство нежности. Шэнь Ваньцин была

красивой даже во сне.

Лу Чжися присела рядом, словно большая собака, и смотрела на лицо Шэнь Ваньцин.

Её бледная кожа была окутана ночным светом, делая её более мягкой и менее резкой.

Особенно её слегка красные губы, полные и блестящие, манили её. Она почувствовала жажду.

Красивая еда, если смотреть на неё слишком долго, вызывает желание попробовать её.

Лу Чжися приблизилась и уловила слабый аромат удумбары, настолько слабый, что он исчезал, стоило ей отдалиться.

Для неё удумбара была чем-то вызывающим привыкание, и, почувствовав её, она хотела больше.

Лу Чжися закрыла глаза, глубоко вздохнула, и головная боль, казалось, уменьшилась.

Прекрасный феромон был лекарством, и после нескольких глубоких вдохов дискомфорт от похмелья уменьшился.

Ей захотелось, чтобы аромат удумбары оставался с ней всегда, и чтобы он был более насыщенным.

<http://bllate.org/book/15534/1381404>